

Эволюция посредничества в международных конфликтах

М.М. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируется эволюция международного посредничества с середины XX в. до сегодняшнего дня. Как происходящие в мире изменения влияют на феномен международного посредничества и его изучение? Гипотеза исследования состоит в том, что трансформация мирового порядка и политической организации мира в целом, а также процессы глобализации/де-глобализации и изменение характера конфликтов определяют специфику международного посредничества и, как следствие, отражаются в исследованиях по данной теме. Развитие международного посредничества в рассматриваемый период можно разделить на три этапа. Первый этап связан с эпохой Холодной войны: международные конфликты носили в значительной степени межгосударственный характер и урегулировались государствами и международными организациями. Активизация негосударственных акторов нашла отражение в посредничестве в виде формирования «дипломатии второго трека». В это время формируются и исследования международного посредничества как отдельная область знаний. На втором этапе, с конца 1980-х гг. до начала XXI в., происходит разблокирование урегулирования региональных конфликтов с помощью посреднических усилий СССР и США. Полноценные политологические исследования международного посредничества начинают развиваться и в России, где до 1990-х они носили единичный характер и были связаны с международно-правовой наукой. На третьем этапе, в XXI в., усиливаются процессы, которые наметились в конце предыдущего столетия. Политическая организация мира на уровне Вестфальской системы, системы межгосударственных отношений и политических систем отдельных государств продолжает подвергаться эрозии, что усиливает конфликтный потенциал в мире. Новые конфликты характеризуются многоаспектностью и многоакторностью, а их урегулирование предполагает вовлечение в посредничество различных государственных и негосударственных акторов. В ответ на эти вызовы происходят изменения в практике посредничества: активизация развивающихся стран, вовлечение в посредничество гражданского персонала миротворческих операций, использование цифровых технологий для осуществления посреднических функций. Вместе с тем в результате эрозии политической организации мира начинают преобладать конфликты идентичности, основанные на ценностных разногласиях. Стороны таких конфликтов реже готовы к поиску компромиссов на основе анализа интересов, что снижает вероятность успешного посредничества в новых условиях.

УДК 327.56

Поступила в редакцию: 02.10.2023

Принята к публикации: 15.02.2024

Ключевые слова: международное посредничество, урегулирование конфликтов, негосударственные акторы, цифровизация в посредничестве, политическая организация мира, глобализация/де-глобализация, международные конфликты, технология посредничества, ценности

Процедуры посредничества применялись людьми с далёкой древности: ещё в первобытно-общинном обществе старейшины выступали в качестве посредников при урегулировании конфликтов (Ury 1990). В дальнейшем посредничество стало развиваться и дифференцироваться, в результате чего за всю свою историю человечество накопило огромный опыт использования посреднических технологий.

Посредничество в международных конфликтах начинает интенсивно развиваться после окончания Второй мировой войны, когда особенно остро встала проблема предотвращения новых мировых войн. Посредничество как средство урегулирования и предотвращения конфликтов было зафиксировано в Уставе ООН, где в статье 33 главы 6 говорится: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путём переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору»¹.

После окончания Второй мировой войны прошло почти 80 лет. Мир в значительной степени изменился. Поэтому исследовательский вопрос заключается в следующем: отражаются ли изменения, происходящие в мире, на феномене международного посредничества и его изучении? Гипотеза исследования состоит в том, что трансформация мирового порядка и политической организации мира в целом, а также процессы глобализации/де-глобализации и изменение характера конфликтов определяют специфику международного посредничества и, как следствие, отражаются в исследованиях по данной теме.

Исследования посредничества представляют собой динамично развивающееся направление в науке о международных отношениях. После выхода обобщающих трудов 1980-х и 1990-х гг. (Bercovitch 1986; Bercovitch, Houston 1996) данная область исследований закономерно начала специализироваться, и современная научная литература в основном сосредоточена на отдельных аспектах посредничества. Например, ряд работ посвящён исключительно анализу стратегий посредничества (Qi 2007) или исследованию предвзятости посредников (Chen 2019); другие исследования фокусируются на проверке отдельных

¹ Устав ООН (полный текст). Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 14.08.2024).

причинно-следственных связей, изучая, как на эффективность посредничества влияют, например, плотность косвенных связей между сторонами конфликта (Böhme 2009), участие в конфликте негосударственных акторов (Duursma 2023) или сочетание посредничества и миротворческих усилий (Clayton, Dorussen 2022). В отличие от этих подходов, настоящая статья рассматривает эволюцию посредничества в более широком контексте мировой политики. С этой целью проводится историческая периодизация развития посредничества, в рамках которой выделяемые периоды определяются моментами масштабных трансформаций политической организации мира.

Под международным посредничеством в настоящей статье понимается не только посредничество в «классических» межгосударственных конфликтах, но и посредничество внешних акторов в конфликтах внутригосударственных (которые при таком посредничестве автоматически интернационализируются).

Практика посредничества государств и негосударственных акторов в период Холодной войны и в конце XX в.

Почти вся вторая половина XX в. характеризуется блоковым противостоянием. Тем не менее, для разрешения международных конфликтов во время Холодной войны конфликтующие стороны активно прибегали к посредничеству. Так, по данным Дж. Берковича, в большинстве – 44 из 72 – межгосударственных вооружённых конфликтов в период 1945–1984 гг. участники соглашались на посредничество (Bergovitch 1986: 159). При этом посредничество осуществлялось примерно в двух третях конфликтов в Африке и в Латинской Америке и в 80% конфликтов на Ближнем Востоке (Susskind, Babbitt 1992). Международные конфликты этого периода, в которых применялось посредничество, были, главным образом, межгосударственными, а в качестве посредников в большинстве случаев выступали государства или международные организации.

Обе сверхдержавы – СССР и США – имели опыт посредничества в урегулировании конфликтов. Считалось, что залогом успеха посредничества является существенное манипулирование переговорной средой третьими сторонами, располагающими значительными экономическими и военными ресурсами, поэтому региональные (в частности, африканские) посредники, как правило, считались менее эффективными из-за более низкого экономического и военного потенциала (Duursma 2020).

США активно занимались посредничеством в годы Холодной войны в различных регионах мира. Большое внимание они уделяли Ближнему Востоку (Хрусталёв 2006), выступали посредниками между Турцией и Кипром, с тем или иным успехом участвуя в урегулировании кризисов на Кипре в 1963, 1967 и 1974 гг. (Güney 2004), а также в целом ряде других конфликтов. СССР в меньшей степени, чем США, включался в посредническую деятельность на международной арене. Тем не менее СССР, например, довольно успешно содействовал

урегулированию очередного этапа конфликта между Индией и Пакистаном относительно Кашмира, результатом чего стала Ташкентская декларация, подписанная в январе 1966 г. президентом Пакистана и премьер-министром Индии при посредничестве председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина.

Наряду с посредничеством сверхдержав в этот период развивается и посредничество малых и средних государств. Основная причина выбора в качестве посредника таких государств заключалась в их относительно нейтральном статусе в рамках биполярного противостояния двух систем. Средние и малые государства не могли, в отличие от сверхдержав, использовать финансовые и иные рычаги воздействия, связанные с жёсткой силой, однако были способны влиять на конфликт дипломатическими методами (Eriksson 2015). Примером такого рода посредничества может служить деятельность Алжира при урегулировании конфликта между США и Ираном в 1979–1981 гг., связанного с захватом заложников в американском посольстве в Тегеране. Выбор посредника в этом случае оказался сложным: Иран не соглашался на посредничество ООН из-за подозрений в сильном американском влиянии на организацию, а США возражали против посредничества Сирии и Ливии ввиду их близких отношений с Ираном. Важным аспектом посреднической деятельности Алжира стал фокус на организации *процесса* нахождения решения, а не на предложении конкретных путей выхода из конфликта (Slim 1992).

Международные организации также вовлекались в посредничество в период Холодной войны. В частности, Генеральный секретарь ООН выступал в качестве посредника во время Суэцкого кризиса. Снижению напряжённости, а, следовательно, и появлению возможностей дальнейшего урегулирования во многих случаях способствовала миротворческая деятельность ООН, начало которой было положено в 1948 г. (Iji 2017).

При анализе по десятилетним периодам (начиная с 1945 г.), пик частоты посреднических услуг во второй половине XX в. приходится на 1976–1985 гг., а на втором месте оказывается период 1986–1995 (Bercovitch, Houston 1996). При анализе данных по десятилетним периодам, начиная с 1945 г., наибольшая частота использования посреднических услуг во второй половине XX в. наблюдается в 1976–1985 гг., а на втором месте стоит период 1986–1995 гг. (Bercovitch, Houston 1996). Первый из этих периодов совпадает с эпохой разрядки международной напряжённости. Второй период характеризуется усилением международной напряжённости, однако активность международного посредничества не ослабла. Этот феномен можно объяснить тем, что, несмотря на блоковое противостояние, усилия международного сообщества были направлены на предотвращение того, чтобы локальные конфликты стали триггером новой мировой войны.

Начиная со второй половины XX столетия, как показали Р. Кохейн и Дж. Най, на международную арену в качественно новых масштабах вышли негосударственные акторы (Keohane, Nye 1971). Это стало первым толчком

к кардинальному изменению государственно-центристской политической организации мира.

Активизация негосударственных акторов сказалась и на посредничестве. Во второй половине XX в. наряду с посредничеством государств в международных конфликтах всё чаще стали использовать так называемую «дипломатию второго трека», представляющую собой посредничество негосударственных акторов. В одних случаях этот «второй трек» шёл независимо от официальной дипломатии, в других – представители официальной и неофициальной дипломатии активно сотрудничали. У каждого трека были свои преимущества. Так, у негосударственных акторов часто формировались хорошие отношения с населением, им нередко больше доверяли, чем официальным лицам. Кроме того, негосударственным акторам оказывалась доступной информация с мест, которую сложнее получить официальным посредникам. В свою очередь, официальные лица способствовали заключению официальных соглашений, а также принятию релевантных решений в международных организациях.

В посредничестве негосударственных акторов («дипломатии второго трека») наметилось два направления: посредничество неправительственных организаций и посредничество, организованное академическими структурами.

Неправительственные структуры, безусловно, и ранее подключались к урегулированию конфликтов, примерами чему служили и гуманитарная деятельность Международного Комитета Красного Креста, и посредническая деятельность Святого Престола по урегулированию ряда конфликтов в начале XX столетия в Латинской Америке (Зонова 2000). Однако во второй половине XX в. деятельность неправительственных организаций по урегулированию конфликтных ситуаций стала более разнообразной и приобрела целый ряд функций: реабилитационную, превентивную, мониторинговую (по соблюдению прав человека), а также функцию по разрешению конфликта и примирению конфликтующих сторон (Aall 1996). К этим функциям с полным правом можно добавить информационно-аналитическую, заключающуюся в сборе информации непосредственно с мест и её предварительной обработке, а также коммуникативную, которая предполагает налаживание диалога как с посредником, так и между конфликтующими сторонами.

Вместе с тем иногда вовлечение различных негосударственных акторов приводило к обострению конфликтной ситуации, что могло быть вызвано как несогласованностью действий различных негосударственных акторов, так и недостатком профессионализма из-за отсутствия соответствующего образования. Так, во время конфликта в Руанде в середине 1990-х гг., где действовали около 100 неправительственных организаций, в двух соседних деревнях распространялась гуманитарная помощь различными неправительственными организациями. В одной деревне она предоставлялась всем без каких-либо условий, в другой – только тем, кто стал участником проекта по снижению конфликтного

потенциала. В результате такой деятельности между этими деревнями возник конфликт (Natsios 1997).

Примерами второго направления посредничества негосударственных акторов стали академические семинары (*workshops*), организованные представителями различных университетов по урегулированию конфликтов на Кипре (Burton 1969), на Ближнем Востоке (Cohen et al. 1977), в районе Африканского Рога (Doob, Foltz, Stevens 1969). Целью таких мероприятий было содействие политическим изменениям через изменения в индивидуальном восприятии и отношениях между представителями экспертных сообществ (Kelman, Cohen 1979). Подобные семинары, помимо прочего, заложили основу для формирования одного из направлений академической дипломатии (Торкунов 2019).

В последние пятнадцать лет XX в. политическая организация мира претерпевает новые изменения. Этот период представляет собой самостоятельный этап в развитии международного посредничества – с той оговоркой, что периодизацию в международных отношениях и мировой политике вряд ли следует чётко проводить по годам, поскольку инерция предыдущих трендов какое-то время продолжает действовать. Тем не менее с конца 1980-х примерно по 1994 г. количество конфликтов, которые пытались урегулировать с помощью посредничества, значительно увеличилось (Lundgren, Svensson 2020). По всей видимости, это было связано, в первую очередь, с окончанием Холодной войны. В конце 1980-х гг. урегулируется ряд региональных конфликтов: в частности, при содействии СССР и США (страны формально являлись наблюдателями) были достигнуты договорённости по разрешению конфликта на Юге Африки.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. к постепенной эрозии Вестфальской политической системы мира вследствие продолжающейся активности негосударственных акторов добавилось исчезновение биполярного порядка, вызванное распадом СССР. Как следствие, увеличилось число конфликтов на этнической и религиозной почве, получивших обобщенное название «конфликтов идентичности» (Volkan 2006). Такие конфликты вспыхнули и на постсоветском пространстве, а в ряде из них посредником в урегулировании выступила Россия (Майоров 2007).

Конфликты идентичности особенно сложно поддаются урегулированию с помощью посредничества, о чём свидетельствует, например, конфликт на Кипре. Официальное посредничество, в первую очередь ООН, не приводило к восстановлению отношений между общинами греков-киприотов и турок-киприотов. Вместе с тем посредничество в рамках «дипломатии второго трека» было сосредоточено на низовом уровне и вовлекло многих влиятельных людей в межобщинные взаимодействия. Несмотря на, казалось бы, периодические успехи посредничества, стороны продолжали находиться в более конфликтных отношениях (Fisher 2001).

По данным М. Лундгрена и И. Свенссона, с середины 1990-х наблюдается спад посредничества в мире. Авторы объясняют это распространением вооружённых конфликтов с участием исламистских акторов, которые не разрешаются переговорами и, следовательно, не предполагают посредничества (Lundgren, Svensson 2020). Однако в 1990-е гг. также активно развиваются гражданские войны и конфликты идентичности: Приднестровье, Южная Осетия, Сомали, Хорватия, Босния, Таджикистан, а также конфликты в ряде других регионов. В урегулирование новых конфликтов и продолжающихся конфликтов, возникших ранее, вовлекаются государства, международные организации, негосударственные структуры. Например, в 1990-е гг. посредничеством в конфликте между Организацией Освобождения Палестины и Израилем занималась Норвегия. В урегулировании конфликта в Таджикистане приняла участие ООН, кроме того, подготовительная работа по межтаджикскому урегулированию проводилась негосударственными акторами в рамках Дартмутской конференции (Шарафиева 2013).

Сложность урегулирования конфликтов в 1990-е гг. привела к тому, что одной из характеристик этого периода стало переключение усилий с полноценного прекращения конфликтов на поддержание насилия ниже уровня, при котором оно могло бы угрожать прямым вооружённым столкновением (Richmond 2018).

Исследования международного посредничества во второй половине XX в.

Развитие практики посредничества во второй половине XX столетия стимулировало проведение научных исследований, которые в целом можно разделить на два больших направления: 1) изучение конкретных случаев как официального, так и неофициального посредничества; 2) обобщающие теоретические работы.

Важным результатом первого направления исследований стало выявление технологий посредничества. Примером здесь может служить такая технология, как «работа по единому тексту», которая использовалась, в частности, Алжиром в урегулировании конфликта между США и Ираном в 1979–1981 гг.: алжирские посредники предлагали по отдельности США и Ирану текст по урегулированию ситуации просьбой с указать, с чем они не согласны (Slim 1992). Другие технологии посредничества включают: «остановку часов», когда посредник не позволяет прекратить переговоры сторон до тех пор, пока не будет найдено решение; «вынесение за скобки», то есть, исключение из обсуждения наиболее спорных вопросов. Последний приём использовался, в частности, в четырёх из числа наиболее значимых конфликтов, которые урегулировались с помощью посредников: Кэмп-Дэвидских соглашениях 1978 г., «соглашениях Осло» 1993 г., Дейтонском соглашении 1995 г. и соглашении по Намибии 1988 г. (Vukovic 2020).

Особенность большинства самих посреднических технологий как инструментов заключается в том, что они мало зависят от ситуации в мире и, по всей видимости, мало меняются с течением времени. Это даёт основания говорить о возможности создания банка посреднических технологий (Лебедева и др. 2024). Более того, технологии относительно легко могут быть перенесены из одной сферы в другую, в частности, из международной сферы в менеджмент и наоборот. В этом смысле посреднические технологии обладают определённой универсальностью. Данный тезис основан на том, что, несмотря на политических характер международных конфликтов, с точки зрения технологий урегулирования в международных конфликтах и бизнес-конфликтах много общего, как показали исследования Г. Райффа, Р. Фишера и У. Юри (Raiffa 1982; Fisher, Ury 1981).

Второе направление – теоретические исследования посредничества, которые во второй половине XX в. начинают активно развиваться благодаря интенсификации практики посредничества. Спектр таких исследований оказался довольно широким. Прежде всего, была выявлена многозначность самого понятия «международное посредничество». Его смысл зависит как от объективной конфликтной ситуации, так и от субъективной ориентации посредника. М. Клейбоер описал две модели посредничества в зависимости от ориентации посредника: 1) посредничество, направленное на разрешение конфликтной ситуации; 2) посредничество, ориентированное на реструктурирование отношений участников конфликта (Kleiboer 1998). В принципе, эти две модели соответствуют основным функциям посредничества.

Подходы к анализу посредничества в XX в. варьировались также в зависимости от методов исследования. Здесь выделяется три подхода. Первый состоит в анализе конкретных ситуаций посредничества (case study). Выявление деталей и специфики посреднических усилий является сильной стороной данного подхода, однако его ограничением оказывается отсутствие генерализации, то есть невозможность выявить общие закономерности. Второй подход заключается в проведении имитационных игр, в которых к конфликтной ситуации подключается посредник. В этом случае исследователь способен контролировать влияние различных переменных. Однако, поскольку в таких имитациях обычно участвуют непрофессионалы, перенос их результатов на реальные конфликты, в которых участвуют профессиональные политики и дипломаты, обладает ограниченной валидностью. Третий подход к изучению посредничества предполагает длительное систематическое описание и объяснение реальных посреднических усилий с использованием ясных критериев и определений, с привлечением большого количества данных, а также методов социальных наук. Это позволяет понять ключевые отношения, связи и паттерны, которые влияют на результат посредничества. Правда, здесь также возникают проблемы, обусловленные использованием архивных материалов, опросов и других методов, которые не всегда точно отражают реальность (Bercovitch 1996).

Во второй половине XX столетия с содержательной точки зрения разрабатываются такие вопросы, как: структура конфликта, которая требует посредника; требования, предъявляемые к посреднику; эффективность посреднических усилий; влияние культурных особенностей на посредничество; и многие другие. Проблема влияния культурной специфики на процесс посредничества становится особенно актуальной в конце XX в. в связи с развитием конфликтов идентичности. Так, Дж. Беркович и А. Хьюстон приходят к выводу, что условия среды, в которой осуществляется посредничество, а также специфика идентичностей сторон конфликта являются наиболее существенными факторами, влияющими на выбор стратегии посредничества (Bercovitch, Houston 2000).

Основные исследования международного посредничества проводились в США, что обусловлено целым рядом причин: активностью США в международном посредничестве, большим количеством исследовательских центров по международным отношениям, объёмами финансирования.

Иная ситуация складывалась в СССР. Международные исследования основывались, главным образом, на исторической науке. Тем не менее в случае международного посредничества, которое не попадало в фокус внимания специалистов в области международных отношений, пионерами оказались юристы. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. появляются статьи по мирному урегулированию международных споров, затрагивающие проблематику посредничества (Богданов 1957; Ладыженский, Блищенко 1963). В 1970-х гг. Э.А. Пушмин публикует книги по посредничеству и оказанию добрых услуг (Пушмин 1970; Пушмин 1974). Примечательно, что эти исследования Э.А. Пушмина были выполнены на базе Ярославского государственного университета, в отличие от абсолютного большинства публикаций по международным отношениям, авторами которых были представители московских научных центров. Историки же рассматривали отдельные кейсы международного посредничества в тот или иной исторический период. Так, вопросы посредничества затрагивались в исследованиях российской внешней политики при Петре Первом (Молчанов 1984). При этом отсутствие политологических подходов в международных исследованиях не позволяло проводить теоретическое обобщение отдельных случаев.

Почему именно правовая наука стала первопроходцем в изучении международного посредничества? По всей видимости, выход СССР на мировую арену в качестве сверхдержавы, его место постоянного члена в Совете Безопасности ООН потребовали проработки правовых норм, в том числе и по вопросам урегулирования конфликтов.

В 1990-е гг. в российских исследованиях по проблемам посредничества произошли изменения. Во-первых, посредничество – особенно посреднические усилия на постсоветском пространстве – оказалось в фокусе внимания российских международных исследований. Во-вторых, появляются теоретические исследования по вопросам международного посредничества (Лебедева 1997). Российские исследования посредничества включаются в общемировую науку.

Практика и теория международного посредничества в XXI в.

В XXI в. во многом продолжают и усиливаются процессы, которые наметились в мировой политике в конце предыдущего столетия. Политическая организация мира на уровне Вестфальской системы, системы межгосударственных отношений и политических систем отдельных государств продолжает подвергаться эрозии (Лебедева 2016), что усилило конфликтный потенциал в мире. На этом фоне развиваются конфликты в различных регионах мира, а также вооружённые восстания и столкновения, примером чего стала «арабская весна». Никуда не исчезли и межгосударственные конфликты.

Наряду с трансформацией политической организации мира, в результате развития информационно-коммуникационных технологий усилилась прозрачность национальных границ. Новые технологии стимулировали дальнейшую глобализацию. Всё это привело к большей интернационализации конфликтов, и, как следствие, к усилению интернационализации посредничества. Однако вскоре наступила реакция на слишком быструю глобализацию, которая в сочетании с воздействием пандемии COVID-19 привела к преобладанию сегодня тренда де-глобализации, а также возрастанию турбулентности. Это породило конфликты, в отдельных случаях напоминающие средневековые, для урегулирования которых не существует ни специальных механизмов, ни институционализированных структур посредничества (da Rocha 2019).

Тем не менее вопрос о международном посредничестве не ушёл с повестки дня. Так, 22 июня 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН впервые приняла резолюцию «Укрепление роли посредничества в мирном урегулировании споров, предотвращении и разрешении конфликтов»².

В XXI в. в посредничестве возникают новые вызовы, обусловленные активизацией различных акторов на мировой арене, как среди конфликтующих сторон, так и среди посредников. Стороны конфликта во многих случаях оказываются всё более неоднородными, изменчивыми по форме и структуре, что представляет собой огромную проблему для посредников (da Rocha 2019). Сложная динамика конфликта мешает традиционным миротворческим структурам – государствам и международным организациям – удовлетворять требования различных участников конфликта и эффективно взаимодействовать с ними. «Гибридные» конфликты создают потребность в неофициальных акторах и в сочетании различных методов посредничества³. В частности, высказываются предположения,

² ГА ООН. 2011. A/RES/65/283. Укрепление роли посредничества в мирном урегулировании споров, предотвращении и разрешении конфликтов. *Генеральная Ассамблея ООН*. 22.06.2011. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n10/529/54/pdf/n1052954.pdf?token=dLVUDQbyESF14GazHN&fe=true> (дата обращения: 14.08.2024).

³ Kakoma I., Marques E. 2020. The Future of Mediation in the Post-COVID World. *Geneva Center for Security Policy*. Issue 12. URL: <https://dam.gcsp.ch/files/images/the-future-of-mediation-in-the-post-covid-world> (accessed 14.08.2024).

что в современных условиях ключом к благоприятному политическому посредничеству может стать совместное участие международных, региональных и местных властей. При этом, если в XX столетии негосударственные акторы старались повлиять прежде всего на лиц, принимающих решения относительно конфликта, то в XXI в. объектом их деятельности становится также население (da Rocha 2019).

Вместе с тем в посредничестве появились и новые возможности. Так, если в эпоху Холодной войны посредничество в большинстве случаев предполагало наличие у посредника значительного военного и экономического потенциала, в XXI в. оказалось, что представители африканских государств могут эффективно выступать посредниками в гражданских войнах в Африке из-за высокой степени их легитимности (Duursma 2020). Более того, летом 2023 г. африканские страны предлагали свои посреднические услуги для разрешения украинского конфликта⁴.

В XXI в. также происходит расширение функций миротворцев. Посредническую помощь во внутригосударственных конфликтах в случае ввода миротворческих сил, начинает оказывать гражданский миротворческий персонал. Эта помощь заключается в поиске решений конфликтных вопросов, взаимодействии с государственными должностными лицами для содействия миру (Duursma 2023).

В 2000-е гг. получают дальнейшее развитие посреднические технологии, в том числе на постсоветском пространстве. Так, в Приднестровском конфликте в рамках переговоров в формате «5+2» (Молдова и Приднестровье + Россия, Украина, ОБСЕ, ЕС, США) использовалась тактика малых шагов, которая представляла собой решение неполитизированных вопросов с тем, чтобы поддерживать диалог и, тем самым, не дать заморозить процесс урегулирования (Шевчук, Сачик 2021).

Следует заметить, что посреднические технологии широко используются в современном бизнесе, при этом происходит диверсификация посреднических методов и процедур, они становятся всё более разнообразными, а также формируются международные профессиональные организации посредников, развивается сочетание посредничества и арбитража (Alexander 2019). Появившиеся тенденции в этой сфере могут быть полезны и для урегулирования международных конфликтов: учитывая, что негосударственные акторы всё больше включаются в посредничество на политическом уровне, а также относительную универсальность посреднических технологий, можно предположить востребованность таких профессиональных бизнес-посредников для урегулирования международных конфликтов.

⁴ Лакстыгал И. 2023. Африка начала свою посредническую миссию в украинском конфликте. *Ведомости*. 17.06.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/17/980937-afrika-nachala-posrednicheskuyu-missiyyu> (дата обращения 14.08.2024).

В XXI столетии все сферы человеческой деятельности подверглись цифровизации. Исключением не стала и сфера мировой политики и международных отношений. Цифровые технологии активно используются при ведении и изучении международных переговоров (Лебедева, Зиновьева 2023). Однако в посредничестве цифровизация проявляется на сегодняшний день не столь очевидно. Отчасти это связано с тем, что современное посредничество часто осуществляется на многосторонней и многоуровневой основе, и согласовать поддержку посреднической деятельности на основе цифровых технологий оказывается сложно. Тем не менее первый опыт обращения к цифровым технологиям в международном посредничестве уже имеется. Так, в случае конфликта в Йемене использование цифровых технологий позволило посредникам, во-первых, проводить анализ больших объёмов неструктурированных данных, во-вторых, предоставило им новые аналитические инструменты, которые дают возможность формирования новых взглядов на сценарии конфликта (Arana-Catania, Van Lier, Procter 2021).

Кроме того, с помощью цифровых технологий посредники могут получать дополнительную информацию о конфликте через социальные сети. Однако задача посредников одновременно и усложняется, поскольку конфликтующие стороны могут фабриковать поддельные новости, быстро распространяющиеся в цифровом пространстве, а также осуществлять конфликтные действия онлайн (Khairunnisa 2021). Обсуждается и вопрос об использовании искусственного интеллекта в посредничестве. На данный момент использованию инструментов искусственного интеллекта препятствуют сложности в получении больших объёмов релевантной информации для обучения систем искусственного интеллекта, а также важность трудно измеримых субъективных факторов для успеха посредничества. Впрочем, эти проблемы могут быть преодолены с помощью гибридных систем «человек–машина» (Hirblinger 2022).

Развитие международного посредничества в новых условиях XXI в. повлекло за собой и новые исследования проблемы. Важным направлением стало изучение условий, при которых в конфликт вовлекаются посредники, а также степени успешности их деятельности. Так, показано, что наличие косвенных связей, объединяющих два конфликтующих государства друг с другом через одну сторону или более, повышают вероятность посредничества. Эти связи создают социальные сети, которые вовлекают внешние стороны в процесс разрешения споров и увеличивают обмен информацией между конфликтующими сторонами и потенциальными посредниками, а также шансы на то, что третьи стороны будут жизненно заинтересованы в посредничестве (Böhmeit 2009).

В условиях многоуровневого и многостороннего посредничества возникает вопрос о том, в каких отношениях находятся между собой сами посредники. Выделяются различные типы такого взаимодействия: посредники могут действовать совместно либо независимо друг от друга. Далее, в обоих случаях

они могут быть нейтральными либо в большей степени поддерживать разные стороны конфликта (Spitka 2018).

При этом российские исследователи продолжают сосредотачивать внимание на постсоветском пространстве и Европе. Так, анализируется подключение ЕС к урегулированию Приднестровского конфликта (Шевчук 2021); изучается посредничество в конфликте в Косово (Сёмкина 2008).

Одной из центральных становится проблема успешности посредничества, что обусловлено усложнением современных конфликтов. Появился целый пласт исследований, ориентированных на выявление того, какие факторы ведут к успешности посредничества (см., например, Clayton, Dorussen 2022). Один из подходов к ответу на вопрос об успешности посредничества заключается в статистическом анализе большого количества кейсов, что можно сделать только ретроспективно. Так, анализ 593 случаев посредничества в международных конфликтах с 1945 по 1990 гг. показал, что в 55% случаев посредничество не было успешным. Только 7,8% попыток посредничества завершились полным разрешением конфликта, тогда как в 20,4% случаев конфликты были частично разрешены, и в 16,8% удалось достичь прекращения огня (Bercovitch, Houston 1996: 19–20). Низкий процент успешных результатов посредничества иногда может быть обусловлен использованием слишком строгих критериев успешности. В любом случае проблема недостаточной успешности международного посредничества сохраняется. Можно предположить, что посреднические усилия в XXI в. в силу указанных процессов трансформации политической организации мира (Лебедева 2016) и глобализации/де-глобализации в дальнейшем могут быть ещё менее успешными. Так, в условиях распада ранее сформированных социальных структур на первый план выходят ценности как наиболее устойчивые интеграторы. Конфликты трансформируются в экзистенциальные, а их участники оказываются не склонны к компромиссам, не готовы к переводу конфликта с ценностного уровня на обсуждение интересов, как это было в период Холодной войны. Посредничество в такой ситуации рискует оказаться заведомо неэффективным.

Заключение

Со второй половины XX столетия по настоящее время практика и исследования международного посредничества претерпели значительные изменения. В развитии международного посредничества в этот период выделяется три этапа. Первый этап соответствует эпохе Холодной войны. Посредниками в большинстве случаев оказывались государства, прежде всего, сверхдержавы. В это же время вследствие активизации негосударственных акторов складывается «дипломатия второго трека», которая распадается на две ветви: посредничество международных неправительственных организаций и научную (академическую) дипломатию.

Развитие практики международного посредничества в период Холодной войны повлекло за собой формирование соответствующей области исследований, в которой можно выделить два широких направления. Первое подразумевает изучение конкретных ситуаций посредничества и продолжило традиции исторической науки. Второе направление, которое создаётся именно в этот период, заключается в теоретическом осмыслении посреднических усилий.

Международная разрядка конца 1980-х гг. и последовавший за ней распад биполярной системы привели к новому этапу в развитии практики посредничества. Сначала разблокирование урегулирования региональных конфликтов привело к всплеску международного посредничества, что продемонстрировало возможности успешного взаимодействия СССР и США в качестве посредников. В дальнейшем получили развитие конфликты идентичности, и число посреднических усилий в мире снизилось. Если в период Холодной войны в СССР проводились лишь единичные исследования по международному посредничеству, преимущественно в рамках науки международного права, то на новом этапе под влиянием изменений в мире и запроса со стороны практиков в отечественной науке начинает формироваться полноценное самостоятельное направление исследований международного посредничества.

В начале XXI в. усиливаются тенденции к хаотизации международных процессов. С одной стороны, посредничество приобретает всё более многоаспектный и многосторонний характер. Появляются новые возможности для посредничества, связанные с использованием персонала миротворческих сил, вовлечением африканских стран в посредничество, началом использования цифровых технологий. Эти аспекты находят отражения в исследованиях, где одной из важнейших тем становится вопрос об эффективности посредничества. С другой стороны, превалирование ценностного компонента в конфликтах вследствие эрозии политической организации мира ведёт к тому, что их участники не переходят к прагматическому поиску компромиссов на основе анализа интересов. В этих условиях посредники мало чем могут помочь в урегулировании конфликта.

Таким образом, развитие международного посредничества за последние 80 лет прошло через три этапа, специфика которых была обусловлена существенными изменениями в мировой политике. Особенности посредничества на каждом этапе находили отражение в исследованиях.

Об авторе:

Марина Михайловна Лебедева – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: m.lebedeva@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет 2030».

UDC 327.56

Received: October 02, 2023

Accepted: February 15, 2024

The Evolution of Mediation in International Conflicts from 1940s to 2020s

 Marina M. Lebedeva[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-7-26](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-7-26)

MGIMO University

Abstract: The article analyzes the evolution of international mediation from the middle of the 20th century to the present day. How do changes in international environment influence mediation and research on it? The paper's hypothesis is that the transformation of international order and political organization of the world, the dynamics of (de)globalization and changes in the nature of international conflict determine the specifics of international mediation and shape the relevant research. Over the last 80 years international mediation evolved through three stages. During the first stage, shaped by the cold war, conflicts were mostly of interstate nature and were settled by states and international organizations. Meanwhile, the growing activity of non-state actors led to the emergence of mediation via "track II diplomacy". At this stage, the study of international mediation becomes an established research area. The second stage, since the end of 1980s to the beginning of the 21st century, witnessed a rapid progress in the settlement of many protracted regional conflicts, aided by the mediation efforts of the USSR and the United States. In Russia, research on international mediation, previously fragmentary and legalistic, developed into a separate subfield of international studies. During the third stage, in the 21st century, the political organization of the world has been undergoing a turbulent transformation at all the three levels: Westphalian system, the system of interstate relations, and political systems of individual states. The all-encompassing nature of this change increases conflict potential and changes the nature of international conflicts, which become multidimensional and involve a variety of actors. Responding to the demand for managing complex conflicts, new trends in mediation emerge, such as the growth in mediation attempts by developing nations, engagement of peacekeeping missions in mediation, the use of digital technologies for mediation purposes. At the same time, the erosion of the old political organization of the world triggers the rise in identity-based conflicts that involve disagreement over values. As parties to such conflicts are less likely to seek interest-based compromises, the likelihood of successful mediation decreases.

Keywords: international mediation, conflict management, non-state actors, digitalization in mediation, political organization of the world, globalization/de-globalization, international conflicts, mediation technology, values

About the authors:

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Science, Cand.Sci (Psychology), Professor, Head of World Politics Department, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0003-4162-0807 E-mail: m.lebedeva@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The publication was supported by the MGIMO University Priority 2030 program.

References:

- Aall P. 1996. Nongovernmental Organizations and Peacemaking. *Managing Global Chaos: Sources of and Responses to International Conflict*. Ed. by Ch.A. Crocker, F.O. Hampson with P. Aall. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press. P. 433–444.
- Alexander N. 2019. Ten Trends in International Mediation. *Singapore Academy of Law Journal*. Vol. 31. P. 405–447.
- Arana-Catania M., van Lier F. A., Procter R. 2021. Machine Learning for Mediation in Armed Conflicts. *arXiv preprint*, arXiv:2108.11942. DOI: 10.48550/arXiv.2108.11942
- Bercovitch J. 1986. International Mediation: A Study of the Incidence, Strategies and Conditions of Successful Outcomes. *Cooperation and Conflict*. 21(3). P. 155–68. DOI: 10.1177/001083678602100302
- Bercovitch J. 1996. Thinking about Mediation. *Resolving International Conflicts: The theory and Practice of Mediation*. Ed. by J. Bercovitch. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers. P. 1–9.
- Bercovitch J., Houston A. 1996. The Study of International Mediation: Theoretical Issues and Empirical Evidence. *Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation*. Ed. by J. Bercovitch. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers. P. 11–35.
- Bercovitch J., Houston A. 2000. Why Do They Do It Like This? An Analysis of the Factors Influencing Mediation Behavior in International Conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. 44(2). P. 170–202.
- Böhmelt T. 2009. International Mediation and Social Networks: The Importance of Indirect Ties. *International Interactions*. 35(3). P. 298–319. DOI: 10.1080/03050620903084786
- Burton J. 1969. *Conflict and Communication: The Use of Controlled Communication in International Relations*. New York: The Free Press. 246 p.
- Chen F.R. 2019. Disentangling Bias: National Capabilities, Regime Type, and International Conflict Mediation. *Conflict Management and Peace Science*. 36(2). P. 149–168. DOI: 10.1177/0738894216689560
- Clayton G., Dorussen H. 2022. The Effectiveness of Mediation and Peacekeeping for Ending Conflict. *Journal of Peace Research*. 59(2). P. 150–165. DOI: 10.1177/0022343321990076
- Cohen S., Kelman H., Miller F., Smith B. 1977. Evolving Inter-Group Techniques for Conflict Resolution: An Israeli-Palestinian Pilot Workshop. *Journal of Social Issues*. 33(1). P. 165–189. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1977.tb01874.x
- Da Rocha J. P. 2019. The Changing Nature of International Mediation. *Global Policy*. 10(S2). P. 101–107. DOI: 10.1111/1758-5899.12683
- Doob L.W., Foltz W.J., Stevens R.B. 1969. The Fermeda Workshop: A Different Approach to Border Conflicts in Eastern Africa. *The Journal of Psychology*. 73(2). P. 249–266. DOI: 10.1080/00223980.1969.10544975

Duursma A. 2020. African Solutions to African Challenges: The Role of Legitimacy in Mediating Civil Wars in Africa. *International Organization*. 74(2). P. 295–330. DOI: 10.1017/S0020818320000041

Duursma A. 2023. Peacekeeping, Mediation, and the Conclusion of Local Ceasefires in Non-State Conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. 67(7-8). P. 1405–1429. DOI: 10.1177/00220027221148132

Eriksson J. 2015. *Small-State Mediation in International Conflicts: Diplomacy and Negotiation in Israel-Palestine*. London, New York: I.B. Tauris. 288 p.

Fisher R., Ury W. 1981. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. Boston: Houghton Mifflin. 215 p.

Fisher R. J. 2001. Cyprus: The Failure of Mediation and the Escalation of an Identity-Based Conflict to an Adversarial Impasse. *Journal of Peace Research*. 38(3). P. 307–326. DOI: 10.1177/002243301038003003

Güney A. 2004. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? *Security Dialogue*. 35(1). P. 27–42. DOI: 10.1177/0967010604042534

Hirblinger A.T. 2022. When Mediators Need Machines (and Vice Versa): Towards a Research Agenda on Hybrid Peacemaking Intelligence. *International Negotiation*. 28(1). P. 94–125. DOI: 10.1163/15718069-bja10050

Jji T. 2017. The UN as an International Mediator: From the Post–Cold War Era to the Twenty-First Century. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 23(1). P. 83–100. DOI: 10.1163/19426720-02301008

Kelman H., Cohen S. 1979. Reduction of International Conflict: An Interaction Approach. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, California: Brooks/Cole Publishing. P. 288–303.

Keohane R.O., Nye J.S. 1971. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. 25(3). P. 329–349. DOI: 10.1017/S0020818300026187

Khairunnisa B. W. 2021. The Role and Challenges of A Mediator To Resolve The International Conflict in The Digital Era (Case Study: The Role of OANA). *Journal of Social Science*. 2(5). P. 558–566. DOI: 10.46799/jss.v2i5.199

Kleiboer M. 1998. *The Multiple Realities of International Mediation*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. 249 p.

Lundgren M., Svensson I. 2020. The Surprising Decline of International Mediation in Armed Conflicts. *Research & Politics*. 7(2). DOI: 10.1177/2053168020917243

Natsios A.S. 1997. An NGO Perspective. *Peacemaking in International Conflict: Methods and Techniques*. Ed. by I.W. Zartman, J.L. Rasmussen. Washington DC: United States Institute of Peace Press. P. 337–361.

Qi H. 2007. A Comparison of the Effectiveness of International Conflict Mediation Strategies. *The Chinese Journal of International Politics*. 1(4). P. 589–62. DOI: 10.1093/cjip/pom011

Raiffa H. 1982. *The Art and Science of Negotiation*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 368 p.

Richmond O.P. 2018. A Genealogy of Mediation in International Relations: From 'Analogue' to 'Digital' Forms of Global Justice or Managed War? *Cooperation and Conflict*. 53(3). P. 301–319. DOI: 10.1177/0010836717750198

Slim R.M. 1992. Small-State Mediation in International Relations: The Algerian Mediation of the Iranian Hostage Crisis. *Mediation in International Relations: Multiple Approaches to Conflict Management*. Ed. by J. Bercovitch, J. Rubin. London: The Macmillan Press Ltd. P. 206–231.

Spitka T. 2018. Mediating Among Mediators: Building a Consensus in Multilateral Interventions. *International Negotiation*. 23(1). P. 125–154. DOI: 10.1163/15718069-23011132

Susskind L., Babbitt E. 1992. Overcoming the Obstacles to Effective Mediation of International Disputes. *Mediation in International Relations: Multiple Approaches to Conflict Management*. Ed. by J. Bercovitch, J. Rubin. London: The Macmillan Press Ltd. P. 30–51.

Ury W.L. 1990. Dispute Resolution Notes from the Kalahari. *Negotiation Journal*. 6(3). P. 229–238. DOI: 10.1111/j.1571-9979.1990.tb00576.x

Volkan V. 2006. *Killing in the Name of Identity: A Study of Bloody Conflicts*. Durham: Pitchstone Publishing. 307 p.

Vukovic S. 2020. Debunking the Myths of International Mediation: Conceptualizing Bias, Power and Success. *The Changing Global Order: Challenges and Prospects*. Ed. by Hosli, M.O., Sellslaghs, J. Springer, Cham. P. 429–451. DOI: 10.1007/978-3-030-21603-0_21

Bogdanov O.V. 1957. Peregovory – osnovnoye sredstvo uregulirovaniya mezhdunarodnykh raznoglasiy [Negotiations are the Main Means of Settling International Disputes]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. №7. P. 75–80. (In Russian).

Khrustalev M.A. 2006. Blizhnevostochnyy konflikt: dinamika i perspektivy [Middle East Conflict: Dynamics and Prospects]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. 4(2). P. 4–18. (In Russian).

Ladyzhenskiy A.M., Blishchenko I.P. 1963. *Mirnyye sredstva razresheniya sporov mezhdunarodnykh gosudarstvami* [Peaceful Means of Settling Disputes between States]. Moscow: Gosyurizdat. 173 p. (In Russian).

Lebedeva M.M. 1997. *Politicheskoye uregulirovaniye konfliktov* [Political Management of Conflicts]. Moscow: Aspekt Press. 271 p. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2016. Sistema politicheskoy organizatsii mira: «Ideal'nyy shtorm» [System of Political Organization of the World: 'Perfect Storm']. *MGIMO Review of International Relations*. 2(47). P. 125–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144 (In Russian).

Lebedeva M.M., Morozov V.M., Raynkhardt R.O., Shebalina Ye.O. 2024. *Tekhnologii mezhdunarodnogo posrednichestva* [Technologies of International Mediation]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO University Press. 27 p. (In Russian).

Lebedeva M.M., Zinov'yeva E.S. 2023. Spetsifika mezhdunarodnykh peregovorov v epokhu tsifrovizatsii [International Negotiations in the Digital Age]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 23(1). P. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156 (In Russian).

Mayorov M.V. 2007. *Mirotvortsy. Iz opyta rossiyskoy diplomatii v posrednichestve* [Peacekeepers. From the Experience of Russian Diplomacy in Mediation]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 158 p. (In Russian).

Molchanov N.N. 1984. *Diplomatiya Petra Pervogo* [Diplomacy of Peter the Great]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 403 p. (In Russian).

Pushmin E.A. 1970. *Posrednichestvo v mezhdunarodnom prave* [Mediation in International Law]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 170 p. (In Russian).

Pushmin E.A. 1974. *Mirnoye razresheniye mezhdunarodnykh sporov (mezhdunarodno-pravovyye voprosy)* [Peaceful Resolution of International Disputes (International Legal Issues)]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 175 p. (In Russian).

Sharafiyeva O.Kh. 2013. Mezhtadzhikskiye peregovory kak primer uregulirovaniya vnutrennego konflikta [Inter-Tajik Negotiations as an Example of Resolving an Internal Conflict]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 367. P. 84–91. (In Russian).

Shevchuk N.V., Sachik A.A. 2021. Posrednichestvo ES: Evolyutsiya podkhodov v kontekste uregulirovaniya sovremennykh konfliktov [EU Mediation: Evolution of Approaches in the Context of Modern Conflict Resolution]. *Postsovetskiye issledovaniya*. 4(6). P. 479–487. DOI: 10.24412/2618-7426-2021-6-479-487 (In Russian).

Shevchuk N.V. 2021. Osobennosti podklyucheniya ES k peregovornomu protsessu po pridnestrovskomu uregulirovaniyu (1994–2005) [Features of the EU Involvement in the Negotiation Process on the Transnistrian Settlement (1994–2005)]. *Sovremennaya Yevropa*. №3. P. 106–116. DOI: 10.15211/soveurope32021106116 (In Russian).

Syomkina Yu.N. 2008. Mezhdunarodnoye posrednichestvo v uregulirovanii konflikta v Kosovo [International Mediation in the Settlement of the Conflict in Kosovo]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki*. №4. P. 71–81. (In Russian).

Torkunov A.V. 2019. Diplomatiya akademicheskogo soobshchestva: proshloye i nastoyashcheye [Academic Community Diplomacy: Past and Present]. *World Economy and International Relations*. 63(9). P. 22–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28 (In Russian).

Zonova T.V. 2000. *Diplomatiya Vatikana v kontekste evolyutsii yevropeyskoy politicheskoy sistemy* [Diplomacy of the Vatican in the Context of the Evolution of the European Political System]. Moscow: ROSSPEN. 2000. 197 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Богданов О.В. 1957. Переговоры – основное средство урегулирования международных разногласий. *Советское государство и право*. №7. С. 75–80.

Зонова Т.В. 2000. *Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы*. Москва: РОССПЭН. 197 с.

Ладыженский А.М., Блищенко И.П. 1963. *Мирные средства разрешения споров между государствами*. Москва: Госюриздат. 173 с.

Лебедева М.М. 1997. *Политическое урегулирование конфликтов*. Москва: Аспект Пресс. 271 с.

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: «Идеальный шторм». *Вестник МГИМО Университета*. 2(47). С. 125–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144

Лебедева М.М., Зиновьева Е.С. 2023. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 23(1). С. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156

Лебедева М.М., Морозов В.М., Райнхардт Р.О., Шебалина Е.О. 2024. *Технологии международного посредничества: аналитический доклад*. Под ред. М.М. Лебедевой. Москва: МГИМО-Университет. 27 с.

Майоров М.В. 2007. *Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве*. Москва: Международные отношения. 158 с.

Молчанов Н.Н. 1984. *Дипломатия Петра Первого*. Москва: Международные отношения. 403 с.

Пушмин Э.А. 1970. *Посредничество в международном праве*. Москва: Международные отношения. 170 с.

Пушмин Э.А. 1974. *Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы)*. Москва: Международные отношения. 175 с.

Сёмкина Ю.Н. 2008. Международное посредничество в урегулировании конфликта в Косово. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. №4. С. 71–81.

Торкунов А.В. 2019. Дипломатия академического сообщества: прошлое и настоящее. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(9). С. 22–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28

Хрусталёв М.А. 2006. Ближневосточный конфликт: динамика и перспективы. *Международные процессы*. 4(2). С. 4–18.

Шарафиева О.Х. 2013. Межтаджикские переговоры как пример урегулирования внутреннего конфликта. *Вестник Томского государственного университета*. №367. С. 84–91.

Шевчук Н.В., Сачик А.А. 2021. Посредничество ЕС: эволюция подходов в контексте урегулирования современных конфликтов. *Постсоветские исследования*. 4(6). С. 479–487. DOI: 10.24412/2618-7426-2021-6-479-487

Шевчук Н.В. 2021. Особенности подключения ЕС к переговорному процессу по приднестровскому урегулированию (1994–2005). *Современная Европа*. №3. С. 106–116. DOI: 10.15211/soveurope32021106116